

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТИ СТОИМОСТИ И ЦЕННОСТИ В ЭКОНОМИКЕ

*С помощью сравнительного анализа рассмотрено сущность
понятий “стоимость” и “ценности” в трудах ученых-экономистов*

1. Сущность ценности и стоимости. Экономическая наука жизненно необходима для объяснения поведения человека и создаваемых им ассоциаций в системе экономических отношений. Она выясняет сущность экономических законов, регулирующих поведение субъектов в обществе. Поэтому экономическая наука должна строиться на системе непротиворечивых понятий, соответствующих практическим целям, которые стоят перед ее непосредственными пользователями. Теория тогда будет иметь глубокий практический смысл, если она сможет в адекватных категориях отразить сущность исследуемой социально-экономической реальности. Ее базовые понятия должны быть ясными и операциональными. Они должны строиться на реалистичных и непротиворечивых посылах, придающих логике и методологии теоретического знания конструктивный смысл. Экономическая наука занимается правильным употреблением имен, которые она присваивает экономическим явлениям.

Исходное начало любой науки всегда было и остается самым трудным пунктом для корректного теоретического осмысления и правильного наименования явлений. От того, какие исходные посылы принимает теоретическая концепция зависит избранная ею методология исследования и выводы, к которым она в итоге приходит. Таким исходным началом разнообразных экономических теорий долгое время была категория стоимости и ценности. Исследуя начало науки, теоретики выбирали в качестве ее первоосновы либо стоимость, либо ценность. Это исходное начало экономической науки оказалось самым сложным и запутанным вопросом для адекватного теоретического понимания. Классическим в экономической науке стало мнение Д. Рикардо о том, что “...ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом “стоимость” [1, с. 35].

Столетиями мыслители вели до сих пор не утихающие споры о том, какова же природа этого начала. Выбор ценности или стоимости, из которого выводится последующая цепь теоретических умозаключений, зависит от исходных установок мышления теоретика и того, какой смысл им вкладывается в эту категорию. По мысли Гэри Норта, “... каждая философия имеет свои фундаментальные исходные предпосылки, которые нельзя подвергнуть сомнению, не сделав человеческое мышление невозможным. Эти до теоретические предпосылки служат опорой и оправданием всех последующих рассуждений, формирующих ту или иную философскую систему. Для каждой системы можно найти “запретные” философские вопросы” [2, с. 8].

К. Маркс очень точно сформулировал наличие вечной проблемы, которая продолжает вызывать полемику среди экономистов. “Меновая стоимость, прежде всего, представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, – соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость (valeur

intrinsic) представляется каким-то *contradictio in adjecto* (противоречием в определении)” [3, с. 44-45]. Тут же, в сноске, Маркс приводит цитаты двух мыслителей, которые интерпретировали категорию “внутренняя стоимость” в политической экономии как противоречие в определении. Барбон писал по этому поводу: “Ничто не может иметь внутренней стоимости”. Батлер отмечал: “Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет” [Цит. по: 3, с. 44-45].

Стоимость и ценность обладают принципиально различной природой, которая и отражает их диаметрально различные сущности. Разные пути осмысления природы менового отношения разделили политическую экономию на два направления. “Со времен и Рикардо и Мальтуса в теории ценности противостоят друг другу два направления, из которых одно настаивает на тождественности понятия меновой ценности с понятием менового отношения и, по стопам Мальтуса, отрицает необходимость иного представления о ценности, другое же считает меновое отношение только мерилем некоторого свойства товара, существующего и вне этого отношения” [4, с. 179].

Большой теоретический вклад в определение сущности категорий ценность и стоимость внесли: Е. Бем-Баверк, Б. Бруцкус, Н.Х. Бунге, Ф. Визер, Г. Кассель, Дж.Б. Кларк, Р. Коуз, А. Маршалл, К. Менгер, Р. Орженцкий, С.Н. Прокопович, Б. Рассел, Д. Рикардо, Дж. Робинсон, Родбертус, К. Маркс, Мюрдаль, В. Смит, Дж. Сорос, П.Б. Струве, Р. Тоуни, С.Л. Франк, М. Фридмен, Ф. Хайек, Л. Харрис, Б.Н. Чичерин. Исследуя генезис и трансформацию централизованной плановой экономики СССР (БССР) в систему транзитивного рынка Беларуси, а также анализируя процесс формирования в нашей стране капиталистической рыночной экономики, мы считаем, что методологически корректно исходить из теории ценности. На наш взгляд, при позитивном изложении теории капиталистического рынка категория ценности адекватно отражает сущность закономерностей его функционирования. Проблема же собственно трансформационной динамики Беларуси состоит в том, что наряду с денежными отношениями рынка существуют неденежные отношения, т.е. отношения, основанные на натуральном обмене, которые взаимодействуют с денежными. При условии успешной рыночной трансформации неденежные отношения вытесняются денежными рыночными формами.

Скрытая первооснова вещей относительно отграниченная от видимых эмпирических явлений в рамках монистической рационалистической теории является основой ценностных отношений в рыночной экономике. Соотношение понятий сущность (ценность), форма (цена) рассматриваются нами именно в такой интерпретации. Сущность ценности самотождественна своей природе, а потому неизменна. В этом контексте ценность рассматривается нами с точки зрения функциональной реализации объективного принципа обмена хозяйственных благ и денег по их редкости. Форма постоянно изменяется в качественном диапазоне, задаваемом сущностью. Поэтому количественно цены на товары и деньги постоянно изменяются и зависят от условий их воспроизводства и факторов, которые влияют на них в каждый данный текущий момент времени.

Ценность рассматривается экономистами-рыночниками как свойство товара удовлетворять человеческие потребности посредством механизма капиталистических рыночных отношений. При этом рыночный обмен может состояться лишь в случае, если полезность отчуждаемого блага для его продавца окажется ниже полезности приобретаемого блага у его контрагента и наоборот. Если для обеих сторон товарообменного отношения правило неравенства

субъективных полезностей выполняется, то тогда осуществляется свободный акт обмена. Субъективный же уровень полезности товара для субъекта рынка определяется степенью редкости этого товара на рынке и реальными денежными возможностями покупателя. Мы разделяем принципиальную позицию австрийской школы предельной полезности, основные положения которой П.Б. Струве формулировал следующим образом: “В противоположность ... универсалистическому пониманию ценности может выдвигаться совершенно иное “психологическое”, “субъективное”, “номиналистическое”, сингуляристическое понимание, для которого нет ценности вне отдельных конкретных актов оценки, объективирующихся в цене. Цена с этой точки зрения вытекает, конечно, из субъективной ценности, но сама ценность понимается не как объективная норма, а как субъективное состояние” [5, с. XXII]. Здесь подчеркивается, что экономическая оценка является личным актом человека, а не неких безличных деперсонифицированных сил, которые в политэкономии марксизма называли объективными.

Оценка товара потребителем по конкурентным рыночным ценам является самым эффективным способом управления поведением производителя на рынке. Капитал и предпринимательский талант являются ведущими среди факторов производства.

Б.Н. Чичерин, рассматривая функциональную роль и место капиталиста как основного звена в структуре отношений капиталистического воспроизводства, отмечал: “...капиталист по справедливости должен быть вознагражден. В действительности это и делается потребителем, в виду которого велось предприятие: ценою купленного им товара должны возместиться издержки и получиться некоторая прибыль” [6, с. 193-194]. Затраты факторов производства переводятся покупателем на рынке с помощью механизма денежной оценки в результаты через конкурентные рыночные цены. Так происходит оплата факторов производства в меру их производительности.

Факторы производства – предприниматель, капитал, земля и труд на капиталистическом рынке максимизируют свои доходы – прибыль, процент, ренту и зарплату. Уровень этих доходов определяется покупателем и формируется, исходя из полезности факторов производства, при этом редкость является регулятором обмена. Ценность товара возникает только в рамках свободного менового обмена на конкурентном рынке, вследствие чего ценность позволяет меновым отношениям рынка (товар, деньги, капитал) развивать сущностные характеристики на своей внутренней основе.

Товар в капиталистической рыночной экономике создается всеми четырьмя полноправными факторами производства, которые обладают равной ценностеобразующей силой в процессе создания ценности товара. Однако равенство возможностей выступать в процессе воспроизводства товара в качестве одного из источников ценности реализуется в различиях способностей создавать ее. Все они, обладая ценностеобразующей силой, должны присваивать долю совокупного дохода в меру своей производительности. Поэтому неравенство вклада факторов производства в общий результат, присвоенный ими в соответствии с уровнем достигнутой факторами производительности, является причиной естественной имущественной дифференциации в обществе. Нарушение этого правила влечет ликвидацию механизма подавления роста непроизводительных издержек, оплачиваемых за счет присвоения каким-то привилегированным фактором не произведенного им дохода, который не равен достигнутой им производительности. Следовательно, инфляция в такой экономике является неизбежной нормой, имеющей глубокие воспроизводственные корни, определяемые типом отношений собственности и способом соединения факторов производства.

Ценность благ тесно связана с частной собственностью на факторы производства, с помощью которых производится товар, созданный производителем, оцениваемый потребителем и покупаемый им на конкурентном рынке. Ценность определяется полезностью товара для покупателя, вытекающей из конкретной обменной пропорции в данный момент времени, на которой сошлись обе договаривающиеся стороны – продавец и покупатель. Ключевым механизмом рынка в ней являются полезностные оценки затрат факторов производства, с помощью которых покупатель переводит затраты в рыночные результаты, тем самым, определяя производительность факторов. Это создает механизм эффективного использования ресурсов. Ценностные параметры рынка: цены на товары, курс валюты, прибыль, процент, рента, зарплата спонтанно регулируют направления движения ограниченных ресурсов в места их наиболее выгодного применения, исходя из их редкости и производительности.

В основе ценности лежат единообразные с ценой текущие обменные пропорции, которые отражают взаимодействие спроса и предложения на рынках. Причем ценность понимается как принцип рыночного обмена, единообразный с ценами. Появившийся в конце XIX в. в теории ценности функциональный подход противопоставленный фундаментальному (сущностному) подходу утверждал, что ценность и цена по природе своей тождественны. Например, П.Б. Струве [5] и Г. Кассель [7, с. 40-62] интерпретировали категорию ценности и стоимости как “метафизическое удвоение категории цены”, “фантом”, “метафизический балласт”, применяемый для анализа капиталистического рынка. Они доказали тезис о том, что трудовая стоимость и денежная цена диаметрально исключают друг друга, поэтому на рынке действительны только денежные цены. Что же касается парных категорий ценности и цен, то здесь, на наш взгляд, анализ функциональных ценовых пропорций рынка столь же важен, как и анализ фундаментальных отношений ценности в экономике. Поэтому противоречия между функциональным и фундаментальным (сущностным) методологическими подходами в экономической теории не существует. Порядок взаимосвязей между парными категориями сущности и явления, формы и содержания, качества и количества осуществляется в рамках единой внутренней природы экономического бытия. В сущности, истинное бытие и феномен бытия едины, они не могут исключать друг друга, поэтому равноправными является ценность как принцип явления и цена как способ ее функционирования.

Сциентизм (рационалистический позитивизм) как методологическая база неоклассической теории ценности реализовывал свою исходную установку на абсолютную, интеллектуальную пронцаемость исследуемого мира. Считалось самоочевидным, что экономические отношения базируются на чистых, прозрачных и жестко определенных основаниях в форме исключительно рациональных причинно-следственных связей. Сциентизм может признавать, что в обществе существуют отношения риска, неопределенности, непредсказуемой спонтанности, иррациональности некоторой части связей и отношений. Однако, он не придает им субстанциального смысла и поэтому если им и находится место в сциентистской интерпретации экономики, то только в качестве случайного феномена, не укорененного в глубинной структуре чистого рационального бытия. Равновесная рыночная модель неоклассиков, построенная на перенесении У.С. Джевонсом, К. Викселем, В. Парето, Ф. Эджвортом, Л. Вальрасом, А. Маршалом, И. Фишером физикалистских аналогий в экономику, не обладала (до появления теории

Дж.М. Кейнса) внутренне присущими ей рыночными рисками. Установка мышления неоклассиков на моносубстанциализм сциентистской теории, выражалась также в рассмотрении любой национальной экономики через предельные основания универсальной рыночной парадигмы. Она исключала многообразие типов рынков с разными закономерностями, формирующими поведение их агентов. Исходные корни эта установка мышления имеет в идее домарксовской классической политэкономии воплощенной в “теории “естественной ценности” в “естественном народном хозяйстве”, которое представлялось экономистам 17-го и 18-го столетия единственно “нормальным”, т.е. ценным” [8, с. 51].

Политэкономия, сформировавшаяся до маржиналистской революции, использовала в своих построениях физические аналогии классической механики, основанные на моделях внутренне однородных стационарных и динамических систем. Образцом для теоретика были простые механические системы с периодическим поведением. Методология идеализации неоклассиков в XIX в. пополнилась инструментарием, берущим свои основания из специфического образа экономики как аналога физической системы, в которой происходит постоянный обмен энергией. Энергия с ее способностью к превращению и переходу от одного носителя к другому в XIX в. рассматривалась в качестве субстанции связующей мир (природу и человека) в единую целостность. Аналогом “энергии” в экономике для большинства неоклассиков была полезность [9, с. 13]. Экономика уподоблялась ими физической системе, а экономическая теория, описывала то, какой должна быть экономика (отсюда ее нормативный характер), чтобы на нее могли быть ретранслированы законы классической механики и термодинамики равновесных процессов (ключевая идея сциентизма). Математические и физические аналогии использовались в качестве образца для их трансферта в категории экономической науки. П. Самуэльсон отмечал: “Следует подчеркнуть, что именно термодинамику следует считать чисто дедуктивной наукой, основанной на определенных постулатах (а именно на первом и втором законах термодинамики)... Этот метод привел к созданию плодотворных теорем, подтверждающих состоятельность исходных гипотез” [цит. по 9, с. 14]. Эта система взглядов и была названа “неоклассической теорией”.

Энергия – внутреннее субстанциальное качество вещей, она по своей природе вынесена за временные рамки межсубъектного обмена в обществе и потому не обладает параметрами необратимого и уникального времени, ощущаемым только человеком. Концепция энергетической ценности могла быть создана лишь как прямое следствие ньютоновской категории обратимого времени, не обладающего признаками субъективности и уникальности оценки его человеком. Ньютоновское обратимое время Природы есть естественный атрибут вневременного Абсолюта, поэтому оно широко применимо в отвлеченной равновесной теории неоклассической экономики, игнорирующей конкретность общественных условий и ограничений.

Теоретические построения неоклассиков устанавливали законы, обладавшие безусловной значимостью в сфере чистого мышления, но не в среде эмпирической реальности национальной экономики. Основу подобной методологии составила некритическая ретрансляция идеалов и норм научного познания из сферы точных и естественных наук в сферу гуманитарного знания. Шульце-Геверниц отмечал в этой связи: “Все естественные науки изолируют отдельные причинные отношения и путем

сравнения аналогичных отношений приходят к “законам”, исходя при этом из аксиоматической закономерности природы. Эти законы обладают безусловной значимостью, они действуют всюду и везде, но зато только в “безвоздушном пространстве”, т.е. поскольку устранены все мешающие побочные явления” [8, с. 40].

В отличие от физикалистской версии интерпретации ценности неоклассикой мы считаем, что ценность – это отношение, отражающее природу реальных обменных пропорций, складывающихся в экономике в каждый данный текущий момент времени как результат свободной воли людей. Ценностью не является вневременное, абстрактно мыслимое отношение, которое сциентист выводит из своей модели безличных отношений обмена веществом и энергией в равновесной термодинамической системе между некими безличными (так называемыми объективными) объектами. Физикалистская версия ценности не имеет никакого отношения к процессу формирования межсубъектных экономических оценок, т.к. она противоречит эмпирически фиксируемым фактам обмена хозяйственными благами в человеческом обществе. Субъективная ценность самой природой субъектных экономических оценок, продуцируемых людьми, исключает модель абстрактных вневременных энергетических отношений.

Товар и деньги, изучаемые теорией ценности, диаметрально противоположны натуральному продукту труда, создаваемому в натуральном хозяйстве и обмениваемому по бартеру в обществе, где ликвидирована собственность на капитал, землю и предпринимательский талант. Сфера потребления и покупатель как ключевой субъект отношений воспроизводства товаров, которые инициируют создание системы оценок затрат производителя и перевод их в результаты, в плановом натуральном хозяйстве не играют самостоятельной и активной роли. Предпринимательский талант и капитал как инновационные факторы и источники творчества в сферах производства и обмена исключаются из процесса воспроизводства товаров. Своей роли лишаются земля как фактор производства и частный собственник земли – как субъект экономики. Поэтому широкая трактовка экономических отношений как системной совокупности воспроизводственных отношений взаимодействующих факторов производства в рамках автономных сфер производства, обмена и потребления, возможна только применительно к капиталистической экономике, а не к плановому централизованному натуральному хозяйству, каковым была экономика СССР.

Природа различий между натуральным продуктом и ценностью товара с функциональной точки зрения состоит в том, что в перераспределительной системе нерыночных отношений база для объективной оценки людьми товара, денег, капитала, затрат и результатов деятельности факторов производства исчезает. Ликвидация прав частной собственности неизбежно нарушает обмен хозяйственных благ по их редкости (полезности). В плановой экономике оказалось невозможным адекватно вкладу факторов производства в создание ценности товара воспроизводить все факторы, обладающие по их природе ценностнообразующей силой. Они были лишены естественных прав собственности на свое воспроизводство в соответствии со своей производительностью. Государственная собственность ликвидировала естественный механизм воспроизводства факторов производства. Она разрушила принцип равенства между вкладом каждого из факторов в совокупный результат (предельные продукты факторов) и присвоением факторного дохода через оплату покупателем рыночных результатов деятельности факторов. Это привело к созданию системы стагнационной и неэффективной нерыночной экономики СССР, лишенной по ее внутренней природе, механизмов естественной спонтанной динамики инновационных процессов.

На конкурентных капиталистических рынках обмен товарами в обществе происходит в соответствии с оплатой каждого фактора производства по полезности (производительности) его вклада в общий результат деятельности фирмы, банка. Нарушения этого закона в централизованной плановой экономике деформирует обменные пропорции, вызывая дефицит и подавленную инфляцию, что разрушает спонтанные механизмы рынка. Для контроля над поведением субъектов хозяйствования и потребителей государство создает перераспределительный механизм, что нарушает адекватность условий воспроизводства товара и денег. Перераспределительный механизм деформирует ценовую сферу в систему условно-счетных отношений, что ликвидирует эффективную форму согласования интересов между производителями и потребителями. Это вынуждает субъектов действовать автономно, создавая “черные” рынки товаров и денег, которые стали альтернативой легальным “рынкам”, контролируемым государством и монопольными производителями.

Ввиду доминирования в плановом хозяйстве СССР натуральных отношений закон ценности действовал в искаженной форме только в “черном секторе” экономики, где в условиях высоких рисков существовала свобода принятия решений его нелегальными агентами. Наличие подсистемы неденежных отношений в структуре транзитивной экономике Беларуси (1992-2009 гг.) свидетельствует как о том, что они являются генным наследием планового натурального хозяйства, так и о том, что направленность и результаты проводимых реформ далеки от создания в нашей стране конкурентного рынка.

2. Трудовая стоимость и теория превращенных форм производственных отношений К. Маркса. Методологической базой трудовой теории стоимости является философия сциентизма. Основной и исходной установкой этой философской теории является ее претензия на абсолютную, интеллектуальную проницаемость исследуемого теоретиком мира. Сциентизм считает самоочевидным, что мир состоит из чистых, прозрачных, ясных и жестко определенных отношений, в основе которых лежат исключительно рациональные причинно-следственные связи. Отношения же неопределенности, непредсказуемости, спонтанности, иррациональности с позиции сциентизма не обладают субстанциальным статусом, поэтому они интерпретируются как случайный феномен, не укорененный в глубинной структуре чистого рационального бытия. С этой интенцией мышления объективно связана и из нее вытекает интеллектуалистская установка сциентизма на моносубстанциализм и монологизм.

К. Маркс разделял сущность понятия трудовой стоимости, которая была разработана его теоретическими предшественниками. Согласно этой традиции стоимость – это истинное и справедливое (с этической точки зрения) значение сущности товарообменных отношений, которые должны лежать в глубинной основе законов спроса и предложения и динамики денежных цен товаров. Стоимость резко и однозначно отграничивается К. Марксом сначала от меновой ценности и менового отношения, а затем и отрывается от них, противопоставляясь им. Поэтому методологическим фундаментом трудовой теории стоимости становится противопоставление “внутренней стоимости” отношениям меновой ценности. Поэтому марксова стоимость по своей природе не может реализовываться в рамках воспроизводственной структуры экономических отношений капитализма. Она функционально существует только в пределах узкой

мыслительной конструкции производственных отношений К. Маркса. Производственный подход, противопоставленный воспроизводственному подходу, отрицает природу ценовых параметров рынка и требует для их логичной интерпретации теории превращенных форм, предложенной К. Марксом. Определение стоимости через общественно-необходимые затраты труда (ОНЗТ) отрицает межсубъектные отношения между производителем и потребителем на рынке. Соответственно полезностные оценки затрат производителя, переводимые покупателем в форму рыночных результатов исключаются трудовой производственной теорией из модели капиталистического рынка по К. Марксу.

“Внутренняя стоимость” отличается от меновой ценности тем, что она основана на выражении покупательной способности товаров и получаемого дохода в неценовых (нерыночных) параметрах. В этом суждении скрыто видимое противоречие: покупательная способность товаров и получаемый доход исключают неценовые параметры экономики. Таким образом, экономические отношения капиталистической рыночной экономики противостоят нерыночной системе внеэкономических отношений, аналогом которых является система натурального производства.

“Внутренняя стоимость” – не есть текущая полезность (ценность) вещи для покупателя в данный момент, вытекающая из конкретной обменной пропорции, на которую соглашаются продавец и покупатель. Это некая вечная вневременная товарообменная норма, согласно которой натуральные продукты сопоставляются вне конкретной пропорции обмена в данный текущий момент. Стоимость отражает императивные требования философии европейского классического рационализма к объективному бытию в соответствии с целевыми установками должного и справедливого для леворадикальной части общества. Стоимость противопоставляется феноменальному бытию – ценам и ценности и не сводима к ним. Стоимость по существу являются трудовыми затратами производителя, существующими вне механизма ценовых отношений рынка и является категорией натурального производства. В отличие от современной экономической традиции в дореволюционной экономической литературе существовало четкое разграничение понятий стоимость и ценность, для чего употреблялись понятия *cost* (стоимость, что равнозначно затратам (издержкам), расходам производителя) и *value* (ценность как полезность для покупателя).

Ввиду не реалистичности посылок трудовой производственной теории при капитализме марксова стоимость не обладает статусом бытия и не существует в хозяйственной практике капиталистической рыночной экономики. Стоимость не обладает статусом онтологической реальности. В рыночной экономике функционируют ценностные параметры рынка: цены на товары, курс валюты, прибыль, процент, рента, зарплата. Поиск сущности стоимости в трудовой теории шел через призму поиска различными предшественниками К. Маркса и им самим абсолютной, нормальной, естественной, справедливой, реальной, действительной, внутренней цены (однопорядковые категории) эквивалента труда работника.

Стоимость в теории марксизма превратилась в категорию “чистого производства”, она была сведена к затратам абстрактного труда и противопоставлена результатам. Специфика интерпретации стоимости как отношения раскрывается через ее абстрактное содержание, в котором теоретик абстрагируется от реальности функционирования всех других факторов производства (предпринимательского таланта, собственности на

капитал и землю). Они исключаются как полноправные факторы из процесса создания ценности товара. В этом состоит глубинный смысл методологических идеализаций К. Маркса. При этом товар подменяется абстракцией продукта труда, носящего по существу натуральный характер.

В соответствии с теорией К. Маркса исключительным правом на создание стоимости обладает только труд наемного рабочего как единственный источник стоимости товаров. Марксистское лишение всех факторов производства (кроме труда рабочего) их имманентных ценностеобразующих функций лишает сам труд и экономику, построенную на принципе господства в ней пролетариата, эффективной ценностеобразующей силы экономического созидания. В централизованной плановой экономике невозможно адекватно вкладу фактора производства в производство товара воспроизводить факторы производства, которые по своей природе обладают ценностеобразующей силой, однако лишены в ней своего естественного права к воспроизводству в соответствии с создаваемыми ими доходами. Ликвидация институтов частной собственности, позволяющих поддерживать механизм оплаты ценностеобразующих факторов в соответствии с их производительным вкладом в совокупный результат, имела негативные результаты для централизованной плановой экономики. Тем самым был ликвидирован естественный механизм воспроизводства факторов посредством оплаты результатов их деятельности в соответствии с вкладом каждого из факторов в совокупный результат. Поэтому трудовая теория стоимости при воплощении ее в жизнь создала систему стагнирующей и неэффективной централизованной натуральной экономики, которая по своей внутренней природе была лишена механизмов естественной спонтанной динамики инновационных процессов.

Критики К. Маркса считали, что его теория трудовой стоимости и прибавочной стоимости неадекватна реалиям капиталистического рынка, так как она является продуктом порочного методологического инструментария идеализации. Идеальный тип, которым оперирует Маркс К., представляет собой чистый продукт телеологического образования понятий и их последующего гипостазирования, органично выросший в рамках традиции европейского классического рационализма. Целью исследования теоретика при этом является установление законов, обладающих безусловной значимостью в сфере чистого мышления, противоречащей конкретной эмпирической реальности. Основой подобной методологии была не критическая ретрансляция идеалов и норм научного познания из сферы естественных наук на сферу гуманитарного знания.

Одним из методологических пороков марксизма в сфере анализа общественных закономерностей является механистическое абстрактно-логическое рассечение единой действительности. Это привело к отрыву эмпирической сферы действительности (ценовой формы явления) от не существующих при капитализме внутренних стоимостных законов. В итоге мир феноменов был противопоставлен К. Марксом абстрактной теории сущностей. Для ликвидации этого видимого противоречия К. Марксом была создана теория превращенных форм производственных отношений. Содержание превращенных форм состоит в том, что на внешней поверхности явлений капиталистического рынка существуют

превращенные формы стоимости – цена производства, прибыль и ее формы, рента, процент, зарплата. Они извращают внутреннее “трудовое” существо стоимости и неадекватно отражают ее сущность, хотя они как-то связаны с ней. К. Маркс утверждает, что “стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф” [3, с. 84]. Превращенные формы стоимости не имеют к самой стоимости прямого отношения, а лишь обозначают инобытие стоимости и в превращенном виде обозначают, манифестируют ее содержание. Однако К. Маркс не смог объяснить, каково содержание и механизм взаимосвязей превращенных форм стоимости с самой стоимостью. Это проявилось в логически не разрешенной им системе противоречий между 1 и 3 томами “Капитала”. К. Маркс попытался также расширить теорию превращенных форм. Он считал, что в структуре рыночных отношений существуют: “Вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения” [10, с. 735]. Содержание этих понятий им также не было раскрыто.

Монистический субстанциализм, занимающийся поиском предельных оснований бытия и мышления, привел К. Маркса к построению отвлеченной абстрактной теории, которая неадекватно интерпретировала экономику реального капитализма. В итоге этих теоретических построений К. Маркс подменил смысл факта его не подлинной идеализацией. Логическим следствием этой теории является противопоставление марксизмом функциональных связей, находящихся на “поверхности явлений”, причинно-следственным (каузальным) связям, спрятанным в их сущности. На осмыслении последних, в соответствии с теорией К. Маркса остановился марксизм, исследующий стоимость, анализом же функциональных ценовых связей рынка, стала заниматься буржуазная политическая экономия названная им вульгарной. Подобное разграничение функциональных и причинно-следственных связей логически вытекает из природы методологии, применяемой К. Марксом. Из ее содержания вытекала специфическая интерпретация и особый порядок взаимосвязей, складывающийся между парными категориями сущности и явления, формы и содержания, качества и количества, что приводило к некорректному рассечению и неадекватной интерпретации их единой внутренней природы капиталистического рынка. В своей сущности истинное бытие и феномен бытия едины, они не могут взаимно отрицать друг друга.

Стоимость и цена у К. Маркса не просто жестко разграничены, они оторваны друг от друга. Применяя терминологию К. Маркса, можно сказать, что они антагонистически противопоставлены друг другу. Для того, чтобы связать стоимость и цену между собой К. Маркс использует систему иррациональных форм, посредством которых он пытался доказать не доказуемое: ценовые параметры (рента, прибыль и ее формы, процент, зарплата) так оторвались от своей внутренней природы (трудовой стоимости), что просто неадекватно отражают ее сущность и извращают ее. Нереалистические исходные посылки теории трудовой стоимости отрицают существование реально функционирующих регуляторов рынков труда (зарплата), капитала (прибыль и процент), земли (рента). Дуализм сущности и явления делает трудовую теорию стоимости внутренне противоречивой.

Интерпретация К. Марксом законов функционирования экономики капитализма отличается принципиально не разрешаемыми противоречиями (антиномиями). Идеальная предметность, которую создал К. Маркс в своей абстрактной модели, оказалась не соответствующей ни реально функционирующим законам капиталистического рынка, ни направленности

движения его основных тенденций. Поэтому он объективно был вынужден вводить группу понятий объясняющих, что сущность и содержание превращенных форм может до такой степени “оторваться” от феноменов реальной рыночной экономики, что в итоге они внешне и внутренне отрицают сам эмпирический факт бытия законов хозяйственной практики и результаты функционирования экономики. К. Маркс утверждал, что именно поэтому понимание текущей хозяйственной жизни всех субъектов экономики является вульгаризированной. “Сознание” производителей этих продуктов может совсем не знать, чем в действительности определяется стоимость их товаров, или что делает их продукты стоимостями, – для него, для сознания, это может и не существовать. Производители продуктов поставлены в такие условия, которые определяют их сознание без того, чтобы они обязательно это знали. Каждый человек может употреблять деньги как деньги, не зная, что такое деньги. Экономические категории отражаются в сознании весьма искаженно” [3, с. 166].

К. Маркс считает, что вульгаризация мышления субъектов посредством погруженности в “омут” текущей рыночной практики фетишизирует внутреннее сущностное ядро производственных отношений трудовой стоимости. Поэтому ввиду принципиальной аберрации сознания субъектов рынка и вульгарных политэкономов эта внешняя фетишистски обманчивая кажимость явлений не позволяет им понять сущность трудовой стоимости.

Основой теории К. Маркса стала подмена реально существующих феноменов – ценности, цен и производных от них ценовых регуляторов иррациональной категорией “внутренней стоимости”. Стоимость – это безжизненная, надуманная абстракция не имеющая никакого отношения к капиталистическому рыночному хозяйству. По этой причине критики К. Маркса считали, что марксова стоимость являет собой не эмпирический, а логический факт – фантом. Таким образом, односторонность методологии К. Маркса закономерно превращали его рационализм и материализм соответственно в иррационализм и идеализм, рационалистический монизм становился дуализмом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Риккардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 1. – 360 с.
2. *Норт Гэри.* Марксова религия революции: возрождение через хаос. – Екатеринбург: Издательство “Екатеринбург”, 1994. – 307 с.
3. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн.1: Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1978. – 907 с.
4. *Франк С.Л.* Теория ценности Маркса и ее значение: Критический этюд. – СПб.: Издание М.И. Водовозовой, 1900. – 376 с.
5. *Струве П.Б.* Хозяйство и цена. – СПб.-М.: Типо-лит. Шредера, 1913. – Часть 1. – XXXV, 358 с.
6. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. – М.: 1902. – Ч. 5. – 448 с.
7. *Кассел Г.* Основные идеи теоретической экономии. – Л.: Прибой, 1929. – 109 с.
8. *Шульце-Геверниц.* Маркс или Кант? – СПб.: 1909. – 87 с.
9. *Дорошенко М.Е.* Обращаясь к истокам современной экономической теории // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. – 2000. – № 5. – С. 3-19.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12, 879 с.
11. *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. ч. 3, 674 с.